

составили 1154,4 млн р., или 57% всех доходов. Казенный сектор, в основном государственные железные дороги, перечислил в бюджет 570,7 млн р. На его долю приходилось 28% его доходной части.

Преемниками С. Витте поддерживался созданный им денежный и финансовый механизм в хорошем состоянии (за исключением периодов войны и революции).

Как видим из этого краткого исследования, история российской финансовой системы знает положительный и весьма успешный опыт реформ и стабилизации. И этот опыт нелишне было бы вспомнить сегодня, когда особо остро стоит проблема стабилизации не только финансовой сферы, но и всей экономической жизни российского общества.

Ж. З. ТАГАРОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ИГЭА

**РЕФОРМА СО ЗНАКОМ «МИНУС»
(О ТАМОЖЕННЫХ ПРАВИЛАХ
РУССКО-КИТАЙСКОЙ ТОРГОВЛИ 1800 ГОДА)**

В сложной и противоречивой палитре явлений социально-экономической истории России кяхтинская торговля и тем более ее отдельный эпизод, связанный с утверждением таможенных правил 1800 г., занимает скромное место. Это обусловлено не только локальными последствиями введения новых правил русско-китайской торговли через Кяхту, но и характером содержащихся в них положений. Санкционированный этими правилами режим меновой торговли и общественного контроля за ценами явно не вписывается даже в далекую от подлинного рынка экономическую структуру России первой половины XIX в.

Наряду с этим, представляя собой инициированное высшими инстанциями изменение хозяйственного порядка, данные правила не совсем совместимы с общепринятым пониманием экономических реформ как равноценных рыночным реформам¹. Вместе с тем нет особых оснований объявлять таможенный порядок, введенный в 1800 г., контрреформой, поскольку последняя предполагает отказ от предшествующих рыночных преобразований, чего не было в истории кяхтинской торговли XVIII в. Все это позволяет предполагать, что в данном случае было реализовано направление развития, лежащее за пределами антитезы «реформа–контрреформа», с вне-

шним импульсом изменений, заданным конкретными обстоятельствами русско-китайской торговли.

Об экзогенности факторов, предопределивших особую форму организации торговли в Кяхте, свидетельствует сам характер отношений двух супердержав Старого Света. Режим меновой торговли и общественного контроля за ценами, а также сам факт сосредоточения русско-китайской торговли в единственном приграничном пункте явились прежде всего следствием системы компромиссов, на которые вынуждена была идти Россия в своих непростых взаимоотношениях с Китаем. Русская администрация, разрабатывая внешнеторговую политику, постоянно соотносила свои действия с требованиями цинского правительства, которое не выказывало «сочувствия к торговым интересам»². Незаинтересованность китайской стороны в развитии прогрессивных, более рыночных форм экономических отношений с соседями, в частности с Россией, явный приоритет военно-стратегических интересов при определении внешнеторговой политики³ объясняются рядом причин. Как отмечает А. Н. Хохлов, режим строгой регламентации внешней торговли объяснялся прежде всего политикой самоизоляции, проводимой цинским двором в области международных отношений. Вместе с тем, подчеркивал он, на формирование экономической политики цинского двора оказывали заметное влияние традиционные представления о приоритете земледелия и второстепенной роли ремесленного производства и торговли в экономике государства⁴.

Отмечая справедливость этих строк, все же следует обратить внимание на более фундаментальные причины подобной изоляционистской политики. Интровертный характер китайской цивилизации вытекал из господствовавших в Китае конфуцианских представлений о Поднебесной империи как центре вселенной, средоточии мудрости и благолепия, оберегаемого мудростью императора, доносимой конфуцианскими мудрецами — шэньши — во все уголки страны, от всяческой идеологической скверны. Окрестные народы считались варварами, завидующими богатству и процветанию срединной страны, что порождало идеологию полной изоляции и круговой обороны. К тому же внешние (экзогенные) воздействия представлялись факторами, способными нарушить внутреннее равновесие нерыночной структуры. Такие соображения стали казаться особенно основательными в XVII–XVIII вв., когда, с одной стороны, постоянно территориально расширяющийся цинский Китай был одной из крупнейших стран мира с еще достаточно стабильной и жизнеспособной внутренней структурой, с хорошо (по традиционным меркам) налаженной экономикой и боеспособной армией. С другой стороны, постоянно нарастающий контраст между режимом консервативной стабильности в стране и быстро меняющимся миром вызывал у маньчжурских правителей, сразу после прихода к власти воспринявших конфуциан-

скую философию, небезосновательные опасения в возможных деструктивных последствиях расширения внешних связей.

Неудивительно, что русское правительство, вынужденное постоянно корректировать внешнеполитические действия⁵, не смогло до середины XIX в. в полной мере осуществить свои идеи, которые, безусловно, шли намного дальше реально сложившейся системы. Так, результатом взаимного компромисса являлся Кяхтинский договор 1727 г. Причем уступка китайской стороны заключалась в согласии возобновить караванную торговлю, прерванную незадолго до этого по ее же инициативе. В то же время русской стороне пришлось отказаться от многолетней практики частной торговли во внутренних районах Китая, установив местом купеческой торговли приграничные пункты в «Нипкове (Нерчинске) и на Селенгинской Кяхте»⁶. Сопоставляя текст данного договора и инструкцию, выданную для переговоров Коллегией иностранных дел С. Л. Владиславичу-Рагузинскому⁷, можно убедиться в более радикальных намерениях русского правительства⁸, которым не суждено было осуществиться. Спустя почти 80 лет, в 1805 г. полным провалом завершилась миссия графа Ю. А. Головкина, не допущенная в Китай из-за отказа выполнить унизительный церемониал вручения верительных грамот⁹. Согласно инструкции, Ю. А. Головкин должен был получить разрешение от цинских властей на торговлю по всей пограничной линии или хотя бы на ее западном участке (через Синцзян). Он должен был добиться согласия на торговлю русских купцов в Гуанчжоу, а если возможно, и в Нанкине. Также ему поручалось договориться о возобновлении караванной торговли. Очевидно, в случае реализации эти меры могли на полвека предвосхитить реформы 1854–1862 гг., коренным образом изменив ситуацию в кяхтинской торговле. О большой осторожности русского правительства в отношении изменений условий русско-китайской торговли свидетельствует такой факт. В 1827 г. группа кяхтинских купцов (26 чел.) внесла в министерство финансов жалобу, в которой указывалось, что практика взимания пошлин с места (ящика) чая, а не с действительного веса, вследствие постоянного недовеса вынуждает их переплачивать этих пошлин на 1/2 млн р. в год¹⁰. Приняв решение сохранить существующий порядок сбора пошлин, министр финансов Е. Ф. Канкрин все же обратился к К. В. Нессельроде с предложением потребовать у китайской стороны привозить в Кяхту полновесные места чая¹¹. Ответ канцлера весьма симптоматичен и во многом объясняет особенности правительственной политики относительно кяхтинской торговли: «... я не могу ручаться, — писал он, — чтобы объяснения с пограничным онаго начальством касательно привозимых на Кяхту чаев, или же отношение о том в Трибунал достигли предполагаемой цели при известном равнодушии китайских богдыханов, по крайней мере наружном, к делам торговли... я полагаю, что всякое сноше-

ние с Пек
причинить
годнее дл
Также пр
гражданс
внушение
сколь воз
делах с к
лишних на
тинской т
избежать
ство откл
вывоз опи
неурожая

Форм
обходим
однако пр
Встречаю
женных п
дотврати
два обсто
тайских д
средство
сделанно
говли был
известны
является
китайской
зовались
ро)²⁰. Ин
жен в пу
инострани
Также из
губернатор
ребра²².
лась в ка
торг в Кях
развивал
караванн
единстве
стран. Н
денежно
короссий
не деньга
ной укла

ние с Пекинским Трибуналом о вышеозначенном предмете может причинить более вреда, нежели пользы; следственно, гораздо выгоднее для нас вовсе не прибегать к такой безнадежной мере ...»¹² Также примечательно мнение, высказанное в 1844 г. московским гражданским губернатором Л. Г. Сеньявиным: «Сделать надлежит внушение кяхтинским купцам, — сообщал он, — дабы поступали сколь возможно осторожнее и обдуманнее в оборотах и торговых делах с китайцами, не откладывали бы расторжки, не делали бы лишних надбавок на свои товары»¹³. В интересах сохранения кяхтинской торговли даже в той, крайне архаичной ее форме, стремясь избежать малейшего повода к осложнениям, русское правительство откладывало разрешение «амурского вопроса»¹⁴, запретило вывоз опиума в Китай¹⁵, в условиях постигшего в 1844 г. Забайкалье неурожая не прекратило поставки хлеба в Маймачен¹⁶.

Формирование режима меновой торговли, видимо, также необходимо рассматривать в контексте взаимодействия не всегда однонаправленного влияния экономической политики двух государств. Встречающееся в ряде случаев объяснение первого пункта таможенных правил 1800 г.¹⁷ стремлением русского правительства предотвратить утечку денег за границу¹⁸ игнорирует, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, ни в одном из четырех русско-китайских договоров XVIII в. не предусмотрен порядок торговли посредством прямого товарообмена. Заявление московских купцов, сделанное в 1854 г., о том, что меновой характер кяхтинской торговли был санкционирован Петром I¹⁹, не находит подтверждения в известных нам источниках, не говоря уже о том, что эта торговля является достоянием послепетровской эпохи. Между тем в русско-китайской торговле лишь в первой половине XVIII в. широко использовались деньги (продажа китайцам пушнины за золото и серебро)²⁰. Интерес к состоянию денежного обращения в Китае отражен в пунктах, представленных Коммерц-коллегией в Коллегию иностранных дел для включения в инструкцию С. Рагузинскому²¹. Также известно сенатское предписание (1744 г.) иркутскому вице-губернатору Лоренцу Лангу о закупке на границе китайского серебра²². Причем продажа товаров за деньги, очевидно, практиковалась в казенной караванной торговле, в то время как приграничный торг в Кяхте (где частным купцам запрещалось торговать пушниной) развивался посредством прямого товарообмена. С прекращением караванной торговли в середине XVIII в. такой обмен становится единственной формой экономических отношений купечества двух стран. Невозможность в такой обстановке немедленной уплаты денежной пошлины повлекла за собой в 1754 г. разрешение великороссийским купцам уплачивать пошлину в Кяхтинскую таможню не деньгами, а векселями за поручительством, с отсрочкой денежной уплаты на полгода²³. Другим косвенным свидетельством окон-

чательного утверждения во второй половине XVIII в. режима меновой торговли, наряду с прямыми отзывами современников²⁴, явился новый, с 1780 г., порядок исчисления объема ввоза и вывоза через Кяхту, согласно которому они должны были быть строго сбалансированы²⁵. Таким образом, таможенные правила 1800 г. придали нормативный характер системе, объективно сложившейся²⁶ за многие десятилетия до утверждения достопамятного для кяхтинского купечества документа.

Во-вторых, объясняя причины закрепления режима меновой торговли, даже такой знаток проблемы, как А. Корсак, не учитывал двухстороннюю природу этого процесса. Осуществляя меркантилистскую политику активного торгового баланса и увеличения посредством этого денежной массы в стране²⁷, Россия в XVIII в. имела на этот счет хорошие перспективы и в кяхтинской торговле.

Дело в том, что кяхтинская торговля относилась к разряду торговли на дальние расстояния с вытекающими отсюда значительными пространственными и временными интервалами, отделяющими акты купли и продажи. Ее участники должны были покупать товар в одном регионе и продавать его в Кяхте на месте покупки другого товара с тем чтобы завершить оборот, реализовав его в одном из глубинных районов страны. Экономическая результативность такого оборота определялась лишь по завершении всего цикла, что предполагало возможность известных потерь на отдельных стадиях и компенсации их на других стадиях оборота. Условия кяхтинской торговли, а именно ее меновой характер, делали подобный приоритет одной стадии оборота в ущерб другой неизбежным. Здесь были возможны два варианта развития: 1) продавцам навязывались в обмен товары, перспективы выгодной реализации которых в России были маловероятны и они шли на сделку, имея высокую прибыль на двух первых промежуточных фазах цикла (купцы не заинтересованы в режиме меновой торговли); 2) купцы соглашались на заведомо убыточный обмен, будучи уверенными, что смогут отыгаться на последней фазе цикла, выгодно продав полученный у китайцев товар, например чай, на одной из российских ярмарок (купечество заинтересованно или, по крайней мере, индифферентно относится к сохранению менового торгового оборота).

Сложившаяся во второй половине XVIII в. товарная структура ввоза и вывоза через Кяхту соответствовала по всем признакам первому варианту, т. е. приоритетной задачей кяхтинского купечества являлся сбыт пушнины при вспомогательной роли операций по реализации товаров, импортируемых из Китая. Многие товары, импортируемые из Китая, и прежде всего хлопчатобумажные ткани, были воспроизводимы в России, а также могли быть завезены из Европы. В то же время пушнина, главная статья экспорта России в Китай в XVIII в., пользовалась огромным спросом в Северном Китае,

удаленно
ные кон

Позд
тах, был
превра
ление к
режима
вероятн
ных ден
второй
1806 г
ном вне
тинской
спорте
могла д
ки дене
шая в
вополо
на возм
го това
и Китая
«инерт
ное чи
ность
обстан
распол
глухо
Ю. А.
участв
имею
деньги
Не
обще
кте пр
мации
ным д
ципи
тайск
Китае
бойк
лах³⁵
теле
зова
же р
говл

удаленном на большое расстояние от Кантона, где торговали основные конкуренты русских купцов — англичане.

Поэтому торговля, основанная на свободных денежных расчетах, была выгодна русской стороне. Напротив, китайская сторона до превращения чайного экспорта в Россию в доминирующее направление кяхтинской торговли имела все основания к консервации режима меновой торговли. Данное предположение тем более вероятно, что Китай, являясь в начале XVIII в. объектом незначительных денежных кровопусканий со стороны европейских стран²⁸, во второй половине XVIII в. и в последующем (за исключением 1800–1806 гг.) торговал с ними, прежде всего с Англией, при отрицательном внешнеторговом балансе²⁹. Вполне допустимо, ситуация в кяхтинской торговле начала XIX в., когда доля пушнины в русском экспорте упала до 70%³⁰, а удельный вес чая в импорте достиг 30%³¹, могла действительно вызвать опасения по поводу возможной утечки денег. Но к этому времени уже существовала система, сложившаяся в условиях, где ее инициатором вероятнее всего была противоположная китайская сторона. Вместе с тем необходимо указать и на возможное внутреннее условие формирования режима прямого товарообмена. Сосредоточение экономических отношений России и Китая в единственном пункте, расположенном в мало оживленной «инертной» зоне разграничения двух миров-экономик³², ограниченное число участников кяхтинской торговли³³, относительная стабильность во времени товарной структуры ввоза и вывоза создавали обстановку, благоприятную для развития меновой торговли. «Само расположение двух торговых станов, в Кяхте и Маймачене, среди глухой, малолюдной стороны, — писал по этому поводу Ю. А. Гагемейстер, — требует торговли меновой, потому что все участвующие в оной торгуют одинаковыми почти предметами и не имеют никакого повода покупать у одного за деньги чай, чтобы те деньги получить обратно за сукно»³⁴.

Несколько по иному сценарию происходил генезис системы общественно постановляемых цен, зафиксированной в третьем пункте правил 1800 г. Наиболее общим исходным мотивом трансформации купеческой деятельности от свободной торговли к общественным договорам о ценах явилось осознание русской стороной принципиально иного характера предпринимательского менталитета китайского купечества. Уже один из первых российских дипломатов в Китае Н. М. Спафарий был неприятно поражен в 70-е гг. XVII в. бойкостью, лукавством и изворотливостью китайцев в торговых делах³⁵. Еще большее впечатление на современников³⁶ и исследователей истории кяхтинской торговли³⁷ производила высокая организованность и дисциплина китайских купцов, подкрепляемая к тому же регламентирующей политикой цинского правительства. Если торговлю с европейцами в Гуанчжоу с начала XVIII в. вела полугосу-

дарственная компания «Гунхан» («Кохонг»)³⁸, метко названная Ф. Бродезем «контркомпанией для Ост-индских компаний»³⁹, то русское купечество в Кяхте имело дело с организованной группой шань-сийских купцов⁴⁰, которой оно до 1800 г. мало что могло противопоставить. Фактически средневековая, цеховая организация китайских купцов в условиях сосредоточения торговли в единственном точечном пункте превращалась в реальное преимущество в столкновении с разрозненными действиями русских торговцев. Понимая это, русское правительство несколько раз (в 1728⁴¹, 1739⁴², 1740⁴³, 1741⁴⁴ гг.) предпринимало безуспешные попытки создания подконтрольных государству купеческих компаний по торговле с Китаем. Не увенчалась успехом и попытка И. И. Кропотова в 60-е гг. XVIII в. создать в Кяхте компании, которые назначали бы товарам общую цену и запрещали их продажу (обмен) по более низкой цене⁴⁵. Созданные в 1768 г. шесть компаний (Московская, Тульская, Архангельская и Вологодская, Казанская, Тобольская, Иркутская) объединяли купцов, торгующих однородным товаром и по принципу землячества, и не осуществляли контроль за ценами⁴⁶. Между тем возрастание масштабов кяхтинской торговли при сохранении практики прямого товарообмена обострило к концу XVIII в. проблему согласования цен. В условиях бартерной торговли с присущей ей неопределенностью соотношений⁴⁷ многое зависело от согласованности и организованности действий той или другой стороны. Кяхтинское купечество получило возможность убедиться в этом сразу после открытия торговли в апреле 1792 г., когда, как сообщал Е. П. Силин, московский купец Решетников привез в Кяхту большое количество товаров и сбыв их по очень низкой цене, нанеся убыток остальным русским купцам. Вероятно, это привело к тому, что после 1792 г. купцы каждой «компании» стали выбирать из своей среды одного уполномоченного — «компаниона». Они оценивали русские товары и устанавливали «променные пропорции». Но поскольку эти правила определялись самим купечеством и «не охранялись никакими правительственными постановлениями», то они и не соблюдались всеми торгующими⁴⁸. Серьезным фактором, ускорившим принятие правил 1800 г., стала «секретная инструкция» центральных цинских властей о порядке торговли китайских купцов с русскими купцами в Маймачене-Кяхте⁴⁹. Данная инструкция, присланная китайскому дзаргучею в Маймачене предположительно в начале 1780-х гг.⁵⁰, была, видимо, известна русской стороне в 90-е гг., поскольку была включена иркутским купцом Ф. П. Щегориным в один из его проектов совершенствования русской торговли, поданный правительству⁵¹. Кроме предписаний, регламентирующих непосредственные правила поведения китайских купцов в Кяхте, эта инструкция содержала следующие, принципиально важные положения: 1) постоянный сбор сведений о состоянии конъюнктуры в России⁵² и утаивание соответ-

ствующей
информации
ствующий
покупки;
для подде

След
лось след
стой са
целенапр
ции дейст
ма мелоч
ми, указ
лаконичн
В. Н. Баск
ством од
ставленн
кую госу
вать в тор
рой могли
товары»⁵
трмеру,
ской стор
взаимной
доныне
купцы, по
годы, пр
новляем
ще всей
то к отв
торговли
впредь в
купечес
взаимно

Наря
важный
ваемых
характер
мость пр
целостн
цию. Ре
ванности
тьего пу
даже то
постанов
емых к

ствующей информации, относящейся к Китаю; 2) использование дезинформации с целью вызвать приток русских товаров, не соответствующий реальному спросу, и понизить на этом основании цены покупки; 3) введение квот на привоз китайских товаров в Маймачен для поддержания высокого на них спроса.

Следовательно, утверждение таможенных правил 1800 г. явилось следствием как неспособности кяхтинского купечества к жесткой самоорганизации, характерной для его торгового визави, так и целенаправленной политики цинского правительства по координации действий китайских торговцев. На вторичный характер режима мелочной регламентации, санкционированного этими правилами, указывали многие авторы⁵³, но в данном случае ограничимся лаконичной и, на наш взгляд, достаточно емкой характеристикой В. Н. Баснина, данной им в 1846 г. «Правила об установлении обществом однообразных для каждого цен, — писал он в докладе, представленном министру финансов Ф. П. Вронченко, — имеют великую государственную цель, чтобы из русского купечества образовать в торге с китайцами как бы единую компанию, действия которой могли бы всегда удерживать китайцев от понижения цен на русские товары»⁵⁴. О том, что указанные правила представляли собой контрмеру, призванную уравновесить организованное давление китайской стороны, свидетельствует и сам текст этих правил. «Но как при взаимной мене товаров, — гласил третий пункт, — происходили доньше весьма важные злоупотребления, а именно: российские купцы, по своевольту своему имея в виду какие-либо частные выгоды, променивали свои товары на китайские гораздо ниже постановляемых от всего купечества цен, чем самым наносили вред вообще всей торговле; напротив китайцам доставляли великия выгоды: то к отвращению навсегда такового губительного для тамошней торговли злоупотребления наистрожайше предписывается, отныне впредь всем компаньонам в общем собрании находящегося в Кяхте купечества постановлять российским и китайским товарам цены для взаимного вымена»⁵⁵.

Наряду со сказанным необходимо указать и на еще один нюанс, важный для понимания причин утверждения и характера рассматриваемых таможенных правил. Эти правила имели комплексный характер, что означало при утверждении одного пункта необходимость принятия вспомогательных пунктов. Отдельные элементы этой целостной системы выполняли взаимно стабилизирующую функцию. Режим меновой торговли, требовавший строгой сбалансированности ввоза и вывоза, облегчал контроль за выполнением третьего пункта правил. Таможня могла уличить купца, скажем, в продаже товара по цене, более низкой по сравнению с общественно постановляемой, обнаружив несоответствие стоимости декларируемых к ввозу и вывозу товаров. С другой стороны, это несоответ-

ствие, которое могло быть вызвано денежной додачей (квалифицируемой как контрабандный экспорт серебра и золота, запрещенный первым пунктом правил), выявлялось тем эффективнее, чем строже соблюдались ежегодные положения о ценах.

Любопытно, что с формальной точки зрения русский вариант правил, регламентирующих торговлю в Кяхте, выглядел намного умереннее как с точки зрения интенсивности правительственного контроля над купечеством, так и репрессий, предусматриваемых за их нарушение. Как частная жизнь, так и торговля китайских купцов была целиком подконтрольна маньчжурскому чиновнику — дзаргучею⁵⁶. Через последнего осуществлялись не только репрессии, предусматривающие заключение под стражу, телесные наказания и высылку из Маймачена, но и сбор сведений о состоянии дел в России, а также организация дезинформаций. Наконец, получив соответствующие данные, дзаргучей должен был «раздать каждому купцу билет, от каких из русских товаров воздержаться в вымене или какие из своих подкрепить равно и в других случаях как поступать»⁵⁷. Напротив, правила 1800 г. запрещали в продолжение торгового года в Кяхте вмешательство в ее ход «кому-либо из таможенных и других званий чиновников» и формально предоставляли «течение торгового года в полную свободу купечества» (12-й пункт). Контрольные функции возлагались на компаньонов, избираемых ежегодно из среды купечества от каждой компании (2-й пункт)⁵⁸. За нарушение правил следовали более цивилизованные виды наказаний в виде штрафов и в качестве крайней меры — высылка из Кяхты⁵⁹.

Но для того, чтобы объективно оценить соотношение сложившихся в Кяхте-Маймачене систем государственного контроля, мы должны выйти за рамки буквального прочтения соответствующих пунктов рассматриваемых документов и обратиться к функциональному аспекту этих нормативных актов. Во-первых, несмотря на обилие пунктов о проступках, влекущих репрессии (с 8-го по 16-й), китайская инструкция носила скорее рекомендательный, чем директивный характер. Многие положения были недостаточно конкретны (требование не проявлять жадности к покупке русских товаров, соблюдать учтивость в отношениях с россиянами, заниматься сбором информации). Также некоторые пункты инструкции напоминали купцам элементарные правила предпринимательской деятельности, скажем, необходимость соблюдения коммерческой тайны, о которых они наверняка догадывались и без указанных предписаний⁶⁰. В то же время таможенные правила, утвержденные для русского купечества, отличались большей категоричностью и предусматривали более подробный регламент торговли в Кяхте. Правила определяли функции ежегодно избираемых компаньонов, порядок утверждения перед каждой расторжкой общих цен и последующей переоценки неликвидных товаров, предусматривали ежегодное, со стороны та-

можни,
выпуско
ким тов
щие де
внимани
контро
цену п
менно
обязыва
Инициир
действи
Отсюда
подроб
бования
влияние
ваться п
ров. Во
«... об
иметь в
оную у
цены, д
и выпис
как с об
разив с
текуще
ток дор
бремен
ственно
ной под
диктуем
ность р
ривал к
рование
1800 г.
ценовы
ждения
емая пр
тивопол
Учитыва
реально
ке, трет
положе
Таки
тактов
ная сист

можни, «генеральное свидетельство» «оставшимся за променом и выпуском внутрь России из Троицкой крепости российским и китайским товарам»⁶¹. Во-вторых, сопоставляя документы, регламентирующие деятельность русского и китайского купечества, следует обратить внимание на принципиально различный подход к проблеме ценового контроля. Преследуя, как и русская сторона, цель максимизировать цену продажи, что в условиях меновой торговли означало одновременно минимизацию цены покупки, цинские власти тем не менее не обязывали купечество продавать свои товары по фиксированным ценам. Инициированная ими инструкция предполагала опосредованное воздействие на цены через регулирование спроса и предложения. Отсюда пристальное внимание к изучению конъюнктуры в России, подробная инструкция о способах дезинформации, повышенные требования к знанию языка торгового партнера⁶². Непосредственное влияние на соотношение спроса и предложения должно было оказываться путем введения квот на привоз на границу тех или иных товаров. Во 2-м пункте инструкции в связи с этим подчеркивалось, что «... общую привозную наших товаров в Кяхту пропорцию не только иметь всегда в одинаковом виде, но и стараться время от времени оную умаливать, понижая с тем вместе на всякие из русских товаров цены, дабы наши товары всегда были у них в уважении... А посему и выписку от своих контор из внутри товаров производить не иначе, как с общего всех совета, каждому по своему месту навсегда, сообразив сначала общественно все обстоятельства и будущие виды по текущей торговле ...»⁶³. Безусловно, эти меры несли явный отпечаток дорыночных методов управления торговлей и ложились нелегким бременем на плечи купечества. Вместе с тем в процессе непосредственного обмена китайские купцы пожинали плоды предварительной подготовки, вынуждая русскую сторону продавать товары по диктуемым ими ценам. Напротив, порядок, определявший деятельность русского купечества в первой половине XIX в., не предусматривал каких-либо организованных действий, направленных на регулирование спроса и предложения. Регламентирующий пафос правил 1800 г. был нацелен непосредственно на стадию формирования ценовых пропорций, что воплощалось в ежегодную практику утверждения обязательных для всего купечества цен. В итоге декларируемая правилами «полная свобода» торговли обращалась в свою противоположность на самом ответственном этапе движения капиталов. Учитывая, что общественно постановляемые цены редко отражали реальное соотношение спроса и предложения на кяхтинской ярмарке, третий пункт правил ставил русское купечество в крайне сложное положение, вынуждая к его постоянному нарушению.

Таким образом, в процессе многолетних экономических контактов России и Китая к началу XIX в. в Кяхте сложилась своеобразная система торговли, основными элементами которой стали: ре-

жим прямого товарообмена, практика общественного контроля за ценами, запрещение купли и продажи товаров в кредит⁶⁴.

«Реформа со знаком "минус"», приведшая к становлению данной системы, отличалась рядом особенностей, которые, не претендуя на более широкие обобщения, хотелось бы отметить.

Во-первых, правила 1800 г. в пункте, касающемся утверждения режима меновой торговли, не внесли ничего принципиально нового в реально существующий с середины XVIII в. порядок обмена. То есть они частично несли не продуктивный, что должно быть характерно для полноценной реформы, а констатирующий характер. Во-вторых, обращает на себя внимание вторичность основных пунктов рассматриваемых правил, что особенно очевидно демонстрируется историей формирования порядка об общественно постановляемых и контролируемых ценах. Наконец, в-третьих, будучи во многом обусловлена особенностями китайской внешнеторговой политики, система 1800 г. в некоторых пунктах оказалась радикальнее своего прототипа. Более того, как показывают последующие события, она оказалась более консервативной и во времени, определяя жизнь кяхтинского купечества до середины столетия. Все это вносит новый интересный нюанс в объяснение причин утверждения этой системы. Становится очевидной недостаточность ее объяснения факторами экзогенного порядка и вероятность наличия внутренних причин создания столь своеобразного нормативного акта. Возможно, следует указать на общую обстановку тотального контроля над обществом, характерную для России первой половины XIX в., а также на вступление в действие новых факторов, связанных с появлением в стране экономической заинтересованности в сохранении существующего порядка кяхтинской торговли.

Сокращение экспорта пушнины и, самое главное, превращение чая в доминирующую статью русского импорта из Китая коренным образом изменили ситуацию в кяхтинской торговле. Импорт чая превращается в доминирующую операцию кяхтинских торговцев при вспомогательной роли экспорта. Теряя на экспорте, русские купцы восполняли потери, развивая чайный рынок в России. Данной ситуацией воспользовались фабриканты нарождавшейся текстильной промышленности. Узкий внутренний рынок, понимание бесперспективности освоения европейского рынка обратили их взоры на Китай, до 1842 г. почти не освоенный английской торговлей. Целям российских производителей текстильных товаров (преимущественно шерстяных) в наибольшей степени соответствовал режим меновой торговли, поскольку покупка у китайских купцов чрезвычайно выгодного товара — чая — в этом случае обуславливалась обязательной продажей русских промышленных изделий. Этот порядок публицисты XIX в. именовали «принужденным сбытом». Но успешное лоббирование промышленни-

ками в ф
возможн
ложения
тайской т
ков двух
ческая и
генного
тая в сфе
ухудшени
на китайск
ской дост
очередь,
районах Р
ких тенде
женная ре
бодным ц
форма в н
системы 18

¹ Рязань
российско

² Васил

³ Чими

XVII–XVIII

⁴ Хохл

сии и Кита

вергают. П

шений. М.

⁵ Вагин

М. М. Спе

⁶ ПСЗ.

⁷ Савва

дипломат,

тельность

Кяхтинско

тайской то

⁸ Русск

менты. Т.

⁹ Новая

Китай. Стр

История то

таем (до 19

¹⁰ АВГР

ками в финансовых ведомствах данной формы торговли было возможно при условии сохранения, во-первых, монопольного положения Кяхты как единственного легального пункта русско-китайской торговли и, во-вторых, относительной независимости рынков двух торговых партнеров от внешних воздействий. Но политическая и экономическая экспансия Англии стала фактором экзогенного порядка, предопределившим постепенное вовлечение Китая в сферу мирового рынка. В результате последовало заметное ухудшение с 1840-х гг. условий реализации российских товаров на китайском рынке и развитие контрабандной торговли чаем морской доставкой через западные границы, осложнившей, в свою очередь, продажу сухопутного (кяхтинского) чая в центральных районах России. И тогда в контексте нарастающих фритредерских тенденций во внешнеторговой политике России пришла таможенная реформа 1855 г., разрешившая кредит, торговлю по свободным ценам и покупку товаров (чая) за деньги. Это была реформа в классическом смысле с вектором от запретительной системы 1800 г. к рыночным началам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 24.

² Васильев В. П. Открытие Китая. СПб., 1900. С. 115.

³ Чимитдоржиев Ш. Б. Взаимоотношения Монголии и России XVII–XVIII вв. М., 1978. С. 107.

⁴ Хохлов А. Н. Кяхтинская торговля и ее место в политике России и Китая (20-е гг. XVIII в.–50-е гг. XIX в.) // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 117.

⁵ Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири. СПб., 1972. Т. 2. С. 204.

⁶ ПСЗ. Т. 8. № 5286.

⁷ Савва Владиславович Рагузинский (ум. в 1738) — выдающийся дипломат, руководитель посольства в Китае (1725–1728). Его деятельность в этом качестве завершилась подписанием Буринского и Кяхтинского договоров, положивших начало регулярной русско-китайской торговле через Кяхту.

⁸ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 2. 1725–1727. М., 1990. С. 81, 133.

⁹ Новая история Китая. М., 1972. С. 98–99; Сидихменов В. Я. Китай. Страницы прошлого. М., 1974. С. 140; Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 189–190.

¹⁰ АВПР. Ф. СПб., Главный архив II – 3. Оп. 34. Д. 8. 1872. Л. 2.

- ¹¹ Там же. Л. 7–8.
- ¹² Там же. Л. 13–14.
- ¹³ Там же. Д. 6. 1939. Ч. 1. Л. 102.
- ¹⁴ Хохлов А. Н. Указ. соч. С. 145–146.
- ¹⁵ Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882. Сургут, 1993. С. 318.
- ¹⁶ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ, 1954. С. 204.
- ¹⁷ Первый пункт правил гласил: «Торг с китайцами производить не иначе, как меною товаров, а на деньги не только ничего не покупать, но и не продавать, под опасением тяжкого штрафа (ПСЗ. Т.26. № 19328).
- ¹⁸ Корсак А. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем. Казань, 1857. С. 100; Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 234; Силин Е. П. Кяхта в XVIII веке. Иркутск, 1947. С. 137.
- ¹⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 7. Д. 1214. Л. 143.
- ²⁰ Хаптаев П. Т. Краткий очерк истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ, 1942. С. 54; Силин Е. П. Указ. соч. С. 56–57; Сладковский М. И. Указ. соч. С. 138, 163; Юхт А. И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 234.
- ²¹ Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 2. С. 82.
- ²² ПСЗ. Т. 12. № 8961.
- ²³ ПСЗ. Т. 14. № 10212.
- ²⁴ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Половина 1. СПб., 1788. С. 182.
- ²⁵ Семивский Н. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое доныне не было известно. СПб., 1817. С. 169.
- ²⁶ К. Маркс также допускал простительную в его положении неточность, утверждая, что кяхтинская торговля «согласно договору» представляла собой меновую торговлю (Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т.13. С. 131).
- ²⁷ Рубинштейн Н. Л. Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. // Исторические записки. 1955. Т. 54. С. 345.
- ²⁸ Бутин Ю. М. Экономическая история Восточной Азии. Иркутск, 1994. С. 174; История Европы. Т. 4. М., 1994. С. 257.
- ²⁹ История экономического развития Китая. 1840–1948. М., 1958. С. 28.
- ³⁰ Хохлов А. Н. Указ. соч. С. 111.
- ³¹ Там же. С. 116.

- ³² Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Время мира. Т. 3. М., 1992. С. 19.
- ³³ Силин Е. П. Указ. соч. С. 100.
- ³⁴ Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 2. СПб., 1854. С. 618.
- ³⁵ Спафарий Николай Милеску. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960. С. 197.
- ³⁶ Паллас П. С. Указ. соч. С. 184; Клапрот Г. Ю. Описание Кяхты // Байкал. 1994. № 3. С. 33; АВПР. Ф. Китайский стол. Д. 3415. Л. 33, 34; Стахеев Д. И. За Байкалом и на Амуре. СПб., 1869. С. 329.
- ³⁷ Лосев А. Обозрение разных происшествий ... // Летопись города Иркутска XVII–XVIII вв. Иркутск, 1996. С. 226; Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 2. СПб., 1844. С. 345; Гагемейстер Ю. А. Указ. соч. С. 620; Корсак А. Указ. соч. С. 112; Скачков К. А. Наши торговые дела в Китае. СПб., 1863. С. 19; Субботин А. П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. СПб., 1892. С. 458, 459; Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем отношений через Кяхту. М., 1896. С. 16; Силин Е. П. Указ. соч. С. 62–63.
- ³⁸ Новая история Китая. С. 48.
- ³⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация... Игры обмена. Т. 2. М., 1988. С. 151.
- ⁴⁰ Субботин А. П. Указ. соч. С. 343; Хохлов А. Н. Указ. соч. С. 127.
- ⁴¹ Чулков М. Историческое описание российской коммерции. Т. 3. Кн. 2. М., 1785. С. 182.
- ⁴² Там же. С. 252.
- ⁴³ Силин Е. П. Указ. соч. С. 48–49.
- ⁴⁴ Корсак А. Указ. соч. С. 39.
- ⁴⁵ Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири. Т. 4. СПб., 1887. С. 302–304.
- ⁴⁶ Силин Е. П. Указ. соч. С. 84–85.
- ⁴⁷ Маршалл А. Принципы экономической науки. Кн. 3. М., 1993. С. 241–242.
- ⁴⁸ Силин Е. П. Указ. соч. С. 98–99.
- ⁴⁹ См. текст инструкции: Китайский плутовской устав // Библиотека для чтения. 1834. IV. С. 79–83; Московские ведомости. 1852. № 22; Корсак А. Указ. соч. С. 331–335; Краткий очерк ... С. 31–33; Сладковский М. И. Указ. соч. С. 376–378; Хохлов А. Н. Указ. соч. С. 119–123.
- ⁵⁰ Чимитдоржиев Ш. Б. Указ. соч. С. 105.
- ⁵¹ Шахеров В. Реформатор из Иркутска. Жизнь и взгляды иркутского купца Федора Щегорина // Земля Иркутская. 1994. № 1. С. 11.

Для понимания мотивов утверждения правил 1800 г. важна следующая особенность взглядов Щегорина, отмеченная автором этой интересной публикации: «Настаивая на необходимости пересмотра правил российской внешней торговли, в первую очередь кяхтинской, — пишет Шахеров, — Щегорин наивно полагал, что для этого достаточно будет механически перенять опыт и постановления соседней державы».

⁵² В архиве внешней политики России находятся документы, свидетельствующие о существовании русских информаторов в пользу китайского купечества (АВПР. Ф. СПб., Главный архив II — 3. Оп. 34. Д. 5. 1827. Л. 2).

⁵³ См., напр.: Корсак А. Указ. соч. С. 101; Носков И. Кяхта. 1861. С. 3; И.Н. О русской торговле с Китаем. СПб., 1867. С. 4; Краткий очерк ... С. 24; Сладковский М. И. Указ. соч. С. 156.

⁵⁴ АВПР. Ф. Китайский стол. Д. 3050. Л. 22.

⁵⁵ ПСЗ. Т. 26. № 19328.

⁵⁶ Хохлов А. Н. Указ. соч. С. 115.

⁵⁷ Цит. по: Хохлов А. Н. Указ. соч. С. 120.

⁵⁸ ПСЗ. Т. 26. № 19328.

⁵⁹ Предание военному суду за нарушение первого пункта правил 1800 г. было предусмотрено решением Гос. совета от 25 октября 1851 г. (ПСЗ 2. Т. 26. Отд. 2. № 25689).

⁶⁰ Хохлов А. Н. Указ. соч. С. 119–123.

⁶¹ ПСЗ. Т. 26. № 19328.

⁶² Русская администрация, в отличие от китайской, не требовала от купцов знания китайского языка. Несмотря на учреждение в 1832 г. школы китайского языка, уровень владения этим языком у купцов был очень низок (Стахеев Д. И. Кяхта // Байкал. 1994. № 3. С. 113).

⁶³ Хохлов А. Н. Указ. соч. С. 120.

⁶⁴ Взаимный кредит был запрещен в 1792 г. международным протоколом (ПСЗ. Т. 23. № 17037; Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881 гг. СПб., 1889. С. 94).

Н. В. МАТВЕЕВ

кандидат экономических наук, доцент,
докторант кафедры экономической теории
Санкт-Петербургского университета экономики и финансов

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РЕТРОСПЕКТИВЕ

Противоречиво и сложно происходит утверждение рыночных форм хозяйствования и управления, экономики рыночного типа в